

На правах рукописи

Есенина Екатерина Александровна

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА А.И. ЦВЕТАЕВОЙ: ПРОБЛЕМА
ЖАНРА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2022

Работа выполнена в Отделе Новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук

Научный руководитель:

Корниенко Наталья Васильевна – доктор филологических наук, член-корреспондент Российской Академии наук, ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук

Официальные оппоненты:

Голубков Михаил Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Медведев Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»

Защита состоится «24» марта 2022 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д. 002.209.02 при ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук: www.imli.ru

Автореферат разослан «__» февраля 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

к.ф.н. А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена крайне малой степенью изученности творчества А.И. Цветаевой. В последнее время наблюдается рост читательского интереса к ее личности: переиздаются книги «Воспоминания» (последние из переизданий относятся к 2002, 2005, 2008, 2012, 2014, 2015, 2019 гг.), «Апог» (2014), «Моя Сибирь» (2016); переизданы травелоги «История одного путешествия», «Зимний старческий Коктебель», «Моя Эстония», «Моя Голландия» в составе сборника «Невозвратные дали» (2018). Однако количество литературоведческих работ все же остается незначительным. Сложный жизненный путь, годы сталинских лагерей заслонили и отодвинули на второй план ее дебютные сочинения: «Королевские размышления. 1914 год» и «Дым, дым и дым. 1916», вышедшие в 1915–1916 гг. Они словно остались в той, дореволюционной эпохе, практически забытыми, однако их оригинальная жанровая природа и содержание, отражающее характерные для того кризисного времени идеи, делают их важным материалом для понимания наследия А.И. Цветаевой. Публикации произведений так называемого «лагерного» периода творчества Цветаевой-младшей стали несколько менее значимым событием на фоне громкого успеха «Воспоминаний», поэтому эти тексты также требуют изучения, в том числе с жанровой точки зрения. Кроме того, их исследование подводит нас к более широкому историко-литературному контексту, поскольку данные сочинения являются составляющей такого масштабного направления, как «лагерная» проза.

Степень разработанности проблемы. Литературному наследию А.И. Цветаевой посвящены диссертации Е.А. Касатых¹ и М.Г. Головей², а также статьи С.А. Айдиняна, О. Велавичюте, А. Смит, В.Н. Дядичева, А.А. Медведева, Г.К. Васильева, Г.Я. Никитиной, В.И. Масловского и некоторых других

¹ Касатых Е.А. Мир творчества А.И. Цветаевой: художественное, онтологическое, событийное: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Шуя, 2009.

² М.Г. Головей. Синтез литературных и музыкальных жанров в лирике М. И. Цветаевой и А. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2013.

исследователей. Однако жанровая проблематика в данных работах подробно не освещается.

Предметом исследования является жанровая специфика произведений А.И. Цветаевой и их взаимосвязь с текстами писателей и философов XIX–XX вв.

Объект исследования – произведения дореволюционного (1914–1916), лагерно-ссылного (1937–1956) и московского (1961–1993) периодов творческого пути писательницы: «Королевские размышления. 1914 год», «Дым, дым и дым. 1916», «Amor», «Моя Сибирь».

Цель работы – проанализировать особенности автобиографических сочинений А.И. Цветаевой, определить их жанровую разновидность и соотнести их с литературно-художественными сочинениями XIX–XX вв.

Исходя из поставленной цели, выделяются следующие **задачи исследования**:

- 1) Проследить развитие «литературы факта» в русском литературном процессе XX века, а также рассмотреть историю взглядов на проблему биографии писателя в литературоведческом контексте 1910–1920-х гг.;
- 2) Описать историю литературоведческих взглядов на проблему соотношения жизни и творчества писателя;
- 3) Проследить историю создания первых сочинений А.И. Цветаевой «Королевские размышления. 1914 год» и «Дым, дым и дым. 1916»;
- 4) Проанализировать их синтетическую жанровую природу, выявить следы литературных влияний;
- 5) Продемонстрировать, как на формальном и содержательном уровнях в первых двух книгах Цветаевой отражаются философия и эстетика декаданса;
- 6) Дать определение такому направлению, как «лагерная литература», рассмотреть историю его развития, назвать ключевые произведения, составляющие его корпус;

- 7) Выявить жанровое своеобразие автобиографического романа А.И. Цветаевой «Амог» и повести «Моя Сибирь», а также поместить их в контекст русской «лагерной» прозы.

Научная новизна настоящей работы обуславливается тем, что в ней впервые проводится подробный анализ произведений Цветаевой «дореволюционного» и «лагерного» периодов творчества, с акцентом на жанровом своеобразии и традициях, которые продолжила в своих текстах писательница. Ранняя ее проза рассмотрена в связи с ключевыми для нее текстами В.В. Розанова, Л.И. Шестова и М.К. Башкирцевой, а также в связи с философией Ф. Ницше и с эстетикой декаданса; роман «Амог» и повесть «Моя Сибирь» проанализированы в качестве составляющих корпус русской «лагерной» литературы XX века.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии подходов к изучению жанровой специфики автобиографических произведений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты его могут быть использованы в просветительской деятельности, при создании учебных пособий для преподавания русской литературы XX века в высшей школе, при написании будущей научной биографии автора, для создания научно-справочного аппарата к полному собранию сочинений, а также для составления музейных маршрутов и экскурсий.

Методология исследования: в работе использованы биографический, историко-литературный, сравнительный методы, а также методы стилистического и мотивного анализа текста.

Теоретической и методологической основой работы стали труды Б.В. Томашевского, Д.С. Лихачева, Л.Я. Гинзбург, М.М. Бахтина, А.Л. Гришунина, Н.А. Николиной, Н.В. Корниенко, Ф. Лежёна, Л. Токер, А. Гуллотта, Е.А. Добренко и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Начало XX века ознаменовалось расцветом «документальных» жанров в русской литературе и сломом традиционной жанровой парадигмы с

главенством крупной эпической формы; на смену ей пришел прозаический текст неклассического типа, в основе которого лежал принцип дискретности;

- 2) Дореволюционные книги А.И. Цветаевой – «Королевские размышления. 1914 год» и «Дым, дым и дым. 1916» – отражают основные эстетические веяния эпохи как в формальном, так и в содержательном плане, с их жанровой синтетичностью и неопределенностью, ослабленной сюжетностью, усилением личностно-авторского начала в произведении, с подчеркнуто автобиографической природой, со звучащими настроениями отчаяния, утраты жизненных ориентиров, потерей веры в Божественное провидение;
- 3) Система образов и мотивов данных сочинений напрямую соотносится с философией Ф. Ницше, а также с эстетикой декаданса, которую писательница восприняла как от западноевропейской литературы, так и от российских писателей-декадентов, с которыми близко общалась и произведения которых читала;
- 4) Анализ жанровой природы «Королевских размышлений» и «Дыма, дыма и дыма» позволяет отнести их к жанру литературно-философского и автобиографического эссе соответственно;
- 5) Произведения А.И. Цветаевой, написанные в лагере и ссылке, соотносятся со многими другими текстами, созданными узниками ГУЛАГа, и являются частью масштабного направления «лагерной прозы»;
- 6) Анализ структуры произведения «Amor» дает нам возможность отнести его к жанру автобиографического романа, в котором документальная основа сочетается с некоторыми элементами художественного вымысла;
- 7) «Моя Сибирь» являет собой переход писательницы к тому периоду творчества, когда она возвращается к традиционным жанровым моделям повести, очерка, новеллы при неизменном сохранении автобиографической основы.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования апробированы в докладах на международных научных конференциях «Автобиографический миф в литературе и искусстве» (Москва, 2017, тема доклада – «Проза А.И. Цветаевой: автобиографизм и мифотворчество»), «Ломоносов» (Москва, 2018, тема доклада – «Художественно-философская проза А. Цветаевой и В. Розанова: диалог о вере, Христе и Апокалипсисе»), а также в 8 публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 182 наименования, и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, рассказывается об основных вехах творчества А.И. Цветаевой, о сохранившихся и утраченных текстах, о масштабе всего творческого наследия. Также рассматриваются научные работы, посвященные творчеству писательницы; формулируются актуальность, научная новизна, объект и предмет исследования, определяются его цели, задачи, теоретическая база, а также основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – **«Жанровое своеобразие автобиографических произведений»** – подробно рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием «литературы факта», автобиографией как жанром, прослеживается история дискуссий о значимости биографии писателя при изучении автобиографической литературы, а также история литературоведческих взглядов на данную проблему в XX–XXI вв.

В первом параграфе – **«“Литература факта” и проблематика биографии в литературном и литературоведческом контексте 1910–1920-х годов»** – дается определение жанра автобиографии, перечисляются присущие ей черты и виды автобиографических произведений: собственно автобиографии; автобиографические тексты, которые содержат подробные воспоминания о

прошлом; беллетризованные автобиографии и воспоминания; художественные сочинения, построенные на основе реальных фактов жизни автора и представленные в форме жанра автобиографии. Прослеживается история возникновения терминов «литература факта» и «документальная литература», рассказывается о всплеске интереса литераторов к документальным жанрам и к биографии писателя в начале XX в. Начало столетия стало временем подлинного расцвета литературы non-fiction. В критических работах 1920-х гг. возникли термины «литература факта» и «документальная литература». Концепция «литературы факта» активно разрабатывалась участниками объединения ЛЕФ. О главенстве факта перед вымыслом неоднократно заявлял О.М. Брик в своих статьях, в частности, в статье «Фиксация факта» он констатировал, что «жанр мемуаров, биографий, воспоминаний, дневников становится господствующим в современной литературе и решительно вытесняет жанр больших романов и повестей...»³. Известный филолог М.О. Чудакова считает, что причиной подобного «вытеснения» является особое «давление материала» только что окончившихся революции и гражданской войны: это давление стало столь сильным в начале 1920-х годов, что факт, материал «стал организующим, формирующим литературным фактором...»⁴. В 1930-е гг. произведения с главенствующим документальным началом были вытеснены из печати крупной эпической формой – традиционным романном жанром. Позже, во второй половине XX века, сам термин «литература факта» приобрел уже более широкое значение, нежели его трактовали члены группировки ЛЕФ в своем несколько механистическом увлечении фактографией, а к 1970-м гг. стал общеупотребительным термин «документальная литература», которым пользовалась в своих работах и Л.Я. Гинзбург. По ее словам, «особое качество документальной литературы – в той установке на подлинность <...>, которая далеко не всегда равна фактической точности»⁵.

³ Брик О.М. Фиксация факта // Новый ЛЕФ. 1927. № 11–12. С. 48.

⁴ Чудакова М.О. Избранные работы. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 1. С. 399.

⁵ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 10.

В течение 1910–1920-х гг. проблема личности в литературе и, соответственно, проблема биографии оставалась острым дискуссионным вопросом. Имманентная критика в лице Ю.И. Айхенвальда создала своеобразный метод «поэтической биографии». Во вступлении к сборнику «Силуэты русских писателей» (1908) Айхенвальд называет «нервом литературы» личность. Критик полемизирует с основателем биографического метода Ш. Сент-Бёвом и утверждает неверность сопоставления фактов литературы с фактами жизни писателя. В качестве примера он приводит жизнь и творчество А.А. Фета: образ этого поэта в жизни и его образ в литературе прямо противоположны друг другу. Поэтому Айхенвальд говорит о необходимости разделения *внутренней* и *внешней* биографии автора.

После гражданской войны и революции в русской литературе сложилась такая ситуация, при которой интерес к индивидуальности был несколько утрачен. В частности, убрали личность писателя из круга своих научных интересов члены объединения ОПОЯЗ. О.М. Брик в своем очерке «Т.н. формальный метод» отметил, что для опоязовцев «нет поэтов и литераторов, – есть поэзия и литература»⁶. Характерны в этом плане работы Б.М. Эйхенбаума 1920-х гг. («Молодой Толстой», «Анна Ахматова», «Лермонтов»), в которых он, изучая творческое наследие писателей, рассматривает его как единый текст, а самих авторов – как воплощение определенных художественных задач. «Обычная манера отождествлять какое-либо отдельное суждение с психологическим содержанием авторской души есть ложный для науки путь»⁷, – считал Эйхенбаум. Однако многие исследователи занимали иную позицию. П.Н. Сакулин в своей книге «Социологический метод в литературоведении» посвятил отдельную главу проблеме авторской индивидуальности. «...Игнорировать личность писателя было бы большой несообразностью со стороны историка литературы; превращать историю литературы в безличный процесс нет никакой возможности да и

⁶ Брик О.М. Т.н. «формальный метод» // ЛЕФ. 1923. №1. С. 213.

⁷ Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Худ. лит., 1969. С. 321.

надобности»⁸, – считал он. За изучение биографий писателей также выступал А.П. Скафтымов, полемизируя со своим учителем А.М. Евлаховым, который утверждал, что биография писателя никакого отношения к его творчеству не имеет. Скафтымов критикует подобную точку зрения и говорит о необходимости анализа человеческих переживаний автора, которые сопутствовали созданию определенного художественного текста. В 1927 г. вышла работа Г.О. Винокура «Биография и культура», в которой ученый рассуждал о взаимовлиянии биографии и поэтики. По его мнению, история литературы и биография связаны в нескольких моментах: 1) литература является продуктом творчества и, соответственно, фактом биографии; 2) биография оказывает помощь истории литературы в таких частных вопросах, как локализация документа, датировка; 3) биография является своего рода «реальным комментарием» к литературному произведению; 4) обращения к биографии писателя может потребовать словесная экспрессия, заключенная в тексте определенного писателя, ибо эта экспрессия указывает на переживания и чувства автора.

Во втором параграфе – **«Современный взгляд на биографию и автобиографическую литературу»** – речь идет о работах конца прошлого столетия, посвященных вышеуказанной проблеме, и об исследованиях нашего времени. Как известно, о важности изучения биографии писателя говорил Ю.М. Лотман, при этом отмечая, что важно не смешивать собственно биографическое повествование с анализом произведений. Летопись жизни и творчества, документальный монтаж, научная биография, популярная биография – о разграничении этих жанров, по мнению ученого, важно помнить. А.Л. Гришунин в статье «Автор как субъект текста» также подчеркивал: «...роль биографии в изучении литературы весьма значительна. И наоборот – в творчестве поэта – его биография»⁹. Ученый настаивает на необходимости соотносить произведения конкретного автора с тем контекстом, в котором они создавались: с мировоззрением автора, его кругом чтения, общественными идеями, жизнью в

⁸ Сакулин П.Н. Социологический метод в литературоведении. М.: Мир, 1925. С. 133.

⁹ Гришунин А.Л. Автор как субъект текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. № 4. Т. 52. С. 14.

целом. Исследователь жанра биографии А.А. Холиков в своих работах отмечает, что важно выработать принципы построения собственно научной биографии писателя, что он демонстрирует на примере изучения жизни и творчества Д.С. Мережковского. Целостный облик личности писателя может быть создан только за счет познания его, согласно формулировке Холикова, как минимум на трех уровнях: «бытовом» (изучение фактов жизни в отрыве от творчества), «сверхбытовом» (исследование жизни во взаимодействии с творчеством) и «сущностном» (изучение личности писателя на основе всех созданных им текстов, т.е. его «стиля»)¹⁰. В некоторых современных исследованиях отмечается, что в связи с активным развитием массовой литературы жанр биографии подвергается «гибридизации»: его развитие «идет в сторону упрощения: упрощается как содержание, так и форма изложения»¹¹. «Объединившись с жанром очерка, биография-монография превращается в биографию-очерк»¹². Безусловно, данную тенденцию нельзя отрицать, но это не препятствует и появлению таких биографий, как книги Д.Л. Быкова «Пастернак», «Булат Окуджава», А.Н. Варламова «Андрей Платонов», «Пришвин», Л.И. Сараскиной «Солженицын», М.А. Кучерской «Лесков» и многих других.

В параграфе также акцентируется отсутствие общепринятого, закрепленного научно-терминологического аппарата в области документальной литературы и перечисляются те дефиниции, которые применяются при разговоре о произведениях с документальным началом: документальная литература, литература non-fiction, художественно-документальная проза, эго-документ, автодокументальный, автопсихологический текст. Приводится жанровая классификация документальных жанров, предпринятая Е.Г. Местергази¹³: «первичные» документальные жанры (хроника, дневник, автобиография, биография, мемуары, записные книжки) и «вторичные», функционирующие уже

¹⁰ Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема (на материале жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по 1919 год): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 8.

¹¹ Раренко М.Б. Биография: эволюция и гибридизация жанра: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 62.

¹² Там же.

¹³ Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 325 с.

на уровне определенного литературного жанра (травелог, невымышленный рассказ, документальная повесть, документальный роман и некоторые др.). Также упоминается о работах французского литературоведа Ф. Лежёна, автора знаменитой работы «Автобиографический пакт» (1975)¹⁴. Лежён ввел понятия автобиографического и романного пактов. Суть автобиографического пакта в том, что автор-повествователь в произведении совпадает с героем, а также соблюдается принцип достоверности в отношении описываемых событий. Под романным пактом понимается прежде всего несовпадение фигуры автора и героя. По мнению исследователя, нельзя допускать смешений между этими двумя областями, т.е. между автобиографическим и романным должна быть проведена четкая граница. Автор должен строго соблюдать определенный пакт, и, если его произведение заявлено как автобиографическое, в нем не должно быть ни доли вымысла. Поэтому Лежён строго разграничивал жанр автобиографии и жанр автобиографического романа и других художественных модификаций. В рамках современного отечественного литературоведения классификацию форм *мемуарного* жанра осуществила Т.В. Колядич, выделившая: 1) собственно мемуарные жанры (дневники, записки, автобиографии); 2) жанры, созданные на базе общелитературных аналогов (мемуарно-биографические рассказы, романы, стихотворные мемуары); 3) смешанные жанровые формы, такие как, например, мемуарно-биографические исследования; 4) воспоминания писателей как отдельная разновидность (дневник, биография, мемуарно-биографический роман). При этом исследовательница отмечает, что «внутренняя жанровая чистота» в подобных произведениях встречается не часто и многие из них носят «явно переходный характер»¹⁵. Именно это, на наш взгляд, является одной из самых важных характерологических черт данного вида литературы, что продемонстрировано в следующих главах на примере сочинений А.И. Цветаевой.

Вторая глава – «Дореволюционные произведения А.И. Цветаевой как продолжение исповедально-автобиографической традиции рубежа XIX–XX

¹⁴ Lejeune Philippe. Le Pacte Autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 357 p.

¹⁵ Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблема поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. С. 51.

веков» – посвящена анализу дебютных сочинений А.И. Цветаевой «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым». В первом параграфе – **«“Королевские размышления. 1914 год” и “Дым, дым и дым. 1916”: история создания»** – воссоздается литературно-философский контекст, который формировал писательский стиль автора; прослеживается взаимосвязь с произведениями В.В. Розанова, Л.И. Шестова, М.К. Башкирцевой, а также с философией Ф. Ницше, отсылки к которой в изобилии представлены в первых книгах А.И. Цветаевой. Первая ее книга «Королевские размышления. 1914 год» состоит из отдельных фрагментов, как датированных, так и нет (большинство датировок относится к 1914 г.). Дополняются эти отрывки цитатами из писем В.В. Розанову и неназванным адресатам, а также диалоги автогероини с некоторыми собеседниками (например, с «М.А.», то есть М.А. Волошиным, и с «Некто», воплощающим альтер эго писательницы). Вторая книга «Дым, дым и дым. 1916» также состоит из отдельных фрагментов (не датированных), являющих собой описание некоторых событий из жизни автора и размышления по этому поводу, а также диалоги, отрывки из песен и небольшие цитаты из предыдущей книги автора. Фрагментарная форма произведений связана с несколькими причинами. Одна из них – стремление имитировать подневные дневниковые записи, и действительно, фрагменты своего дневника писательница использовала при написании книг. С двенадцати лет А.И. Цветаева вела дневник и мечтала когда-нибудь опубликовать свои записи, как знаменитая художница М.К. Башкирцева. Другой причиной стало увлечение книгами В.В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья», написанными в форме фрагментов. На это же время приходится увлечение Цветаевой идеями Ф. Ницше, провозгласившего смерть Бога, что отразилось в содержании ее первого сочинения: оно стало апологией безверия, атеизма. Название книги, в свою очередь, соотносится с известным сочинением Ницше «Несвоевременные размышления», которое вышло в России в 1905 г. в переводе близких знакомых сестер Цветаевых Аделаиды и Евгении Герцык. К другому произведению знаменитого немецкого философа, а именно к трактату «Так говорил Заратустра», отсылают многочисленные образы и мотивы

«Королевских размышлений»: «канатный плясун», «танец над бездной», «авантюризм», «сверхчеловек», «вечное возвращение». Автор напрямую заявляет о своих намерениях стать литературным продолжателем идей философа и написать пятую часть «Заратустры». Влияние произведений Ницше прослеживается не только на уровне содержания текстов писательницы, но и на уровне формально-стилистическом: некоторые отрывки «Королевских размышлений» и «Дыма...» написаны в сходной с ницшевскими произведениями синтаксической манере с ее музыкальностью, ритмической организацией, обилием синтаксических параллелизмов, анафор, риторических вопросов и восклицаний, инверсий, лексических повторов. Некоторые отрывки даже представляют собой свободные стихи.

Вторая книга Цветаевой-младшей «Дым, дым и дым. 1916» составлялась в 1915 г. в Александрове из записей, сделанных ранее в Москве и Крыму. Заглавие отсылает к роману И.С. Тургенева «Дым», в котором писательница очень ценила образ Ирины – роковой аристократки, терзаемой внутренними противоречиями. Лаконизм, фрагментарность, предельная откровенность, присущие повествованию в «Дыме...», унаследованы от «Опавших листьев» и «Уединенного» В.В. Розанова. Произведение создавалось на автобиографическом материале, и под многочисленными инициалами скрыты реальные люди – друзья и близкие А.И. Цветаевой (в нашей работе дается первая полная расшифровка данных инициалов). Заявленное в «Королевских размышлениях» «уничтожение ценностей» в «Дыме...» получает наибольшее развитие. Разуверившись в жизни, вплотную подойдя к отчаянию, героиня ведет печальное отрывочное повествование о своей жизни, разбивая это повествование ретроспективными экскурсами во времена своего детства. Характерные черты текста – печальная тональность, выраженная эгоцентричность автора, бравируемое пренебрежение всеми моральными устоями, наслаждение своей «порочностью». В подобного рода описаниях писательница доходит до той степени откровенности, которая так шокировала Л.Н. Андреева и который в своей рецензии назвал это следствием

«беспутного времени»¹⁶, при этом также отмечая острое душевное одиночество автора «Дыма...». Концепция житетворчества сказалась в данном сочинении Цветаевой, которое, по сути, является отражением ее жизни в молодости; автобиографические сюжеты, присутствующие в этой книге, потом повторяются и варьируются в романе «Amor» и «Воспоминаниях». Сложность своего внутреннего мира писательница подчеркивает на лексическом уровне многочисленной игрой противоречиями, в чем также видится влияние образов и стилистики творчества Ф. Ницше. В данном параграфе также рассказывается о рецензиях на ранние книги А.И. Цветаевой, среди рецензентов – В.В. Розанов, Л.Н. Андреев и некоторые другие.

Во втором параграфе – **«Проблема жанровой дефиниции»** – поднимается вопрос о жанре цветаевских сочинений. В связи с этим проводятся параллели с теми текстами, которые послужили базой для их создания, а именно: «Несвоевременные размышления» Ф. Ницше, «Апофеоз беспочвенности» Л.И. Шестова, «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова. Проблема состоит в том, что исследователи подобного рода прозы до сих пор не пришли к единому жанровому определению. Существует масса дефиниций: фрагментарная проза, дневник, «условно дневниковый жанр», эссеистика, жанр «мыслей-импрессий», «поток сознания», лирическая проза, литературно-философский жанр. Однако в одном исследователи солидарны: для начала XX века характерен процесс трансформации традиционных повествовательных форм, и на смену прозе классического типа приходит текст, в основе которого лежит принцип дискретности. Произведения А.И. Цветаевой, несмотря на отсутствие линейного повествования и фрагментарную форму, содержат единый тематический стержень: в «Королевских размышлениях» – это мысли автора об устройстве Вселенной и о сущности понятия Бог, в «Дыме...» – автобиографически окрашенный сюжет, выстраивающийся из отдельных сцен. На наш взгляд, исходя из современной теории жанров, «Королевские размышления» Цветаевой уместнее

¹⁶ Андреев Л.Н. Печаль наших дней [публ. Е.И. Лубянниковой] // Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие: Материалы междунар. конф., посвящ. 115-летию А.И. Цветаевой (Москва, 27 сент. 2009). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 69.

всего относить к жанру *литературно-философского эссе*. Стиль «Королевских размышлений» в целом характеризуется пафосно-приподнятой интонацией, множеством риторических восклицаний и междометий. Усиленная рефлексия, относимая исследователями к отличительным чертам жанра эссе, в полной мере свойственна цветаевскому тексту. Установка автора – прежде всего, структурирование собственных мыслей, попытка выстроить из них целостную картину мира и донести свою позицию до предполагаемого (имплицитного и эксплицитного) адресата. «Дым, дым и дым» мы предлагаем относить к жанру *автобиографического эссе*. Обостренный индивидуализм, самоуглубление, рефлексия, свободная композиция, склонность к парадоксам, ориентация на разговорную речь – все это отличительные особенности «Дыма...». Повествование в произведении Цветаевой нелинейно, сбивчиво, отрывисто (это подчеркивается обилием тире – знака, который играет значительную роль и в творчестве М.И. Цветаевой, с ее стремлением к обрывистому, резкому интонационному рисунку); при этом подчеркнуто эмоционально и насыщено риторическими восклицаниями, вопросами, обращениями. «Дым...» еще в большей степени, нежели «Королевские размышления», отличается диалогичностью. В тексте в изобилии представлены вопросно-ответные и побудительные конструкции, «я-формы» и «вы-формы», собственно диалоги.

Некоторые критики отмечали дневниковое начало первых цветаевских книг, и это не случайно, хотя сама писательница подчеркивала, что ее сочинения не являются дневниками. «“Выпуская в свет” мою вторую книгу, я заранее объясняю, что это – вовсе не мой дневник, как сказали, ошибочно, про мою первую книгу»¹⁷, – уточняла она в предисловии. Однако нельзя игнорировать тот факт, что генеалогия первых прозаических опытов Цветаевой все же восходит к ее дневнику. Он был начат еще в ранней юности, и его ведение вполне соответствовало духу эпохи. Восприятию своих дневниковых записей как литературного факта способствовало увлечение юной Анастасии «Дневником» М.К. Башкирцевой. Уместно поставить вопрос о том, возможно ли отнести

¹⁷ Цветаева А.И. Собрание сочинений. М.: Изограф, 1996 . Т. 1. С. 65.

произведение Цветаевой к жанру собственно *мемуаров*. Согласно Краткой литературной энциклопедии, «устойчивые признаки М<емуаров> – <...> преобладание событий, ретроспективность материала и взгляда»¹⁸. «Дым...» не соответствует данным характеристикам полностью. Как уже было сказано, значительную часть текста составляют не событийные фрагменты, а медитативные отрывки-размышления, порой абстрактного характера. Соответственно, значительная часть текста не отличается ретроспекцией, а характеризуется *интроспекцией*. Как правило, в мемуарах о личной жизни рассказывается в соотнесении с историческими событиями, что также не характерно для сочинения Цветаевой.

Таким образом, проанализировав формальные и стилистические особенности дебютных сочинений А.И. Цветаевой, мы пришли к выводу, что, несмотря на их явно синтетическую природу, уместно относить их к эссеистике – литературно-философской и автобиографической.

В третьем параграфе – «Эстетика декаданса в дореволюционной прозе А.И. Цветаевой» – путем анализа системы образов, мотивов, идейного наполнения, а также способа саморепрезентации автора в «Королевских размышлениях» и «Дыме, дыме и дыме» демонстрируются многочисленные примеры воплощения декадентской эстетики. Родившись и сформировавшись в эпоху «fin de siècle», близко общаясь с представителями литературы Серебряного века, А.И. Цветаева усваивала умонастроения того времени и в 1914–1916 гг. отразила их в своих первых книгах. Безусловно, как уже было сказано, основной стержень цветаевских текстов – это философия Ницше. По словам В.М. Толмачева, «Ницше, пользовавшийся чрезвычайной популярностью уже в начале века, был воспринят как главная фигура эпохи декаданса»¹⁹. Исследователи отмечают, что религиозный кризис, характерный для декадентской эпохи, спровоцировал увлечение творческой интеллигенции оккультными

¹⁸ Левицкий Л.А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 4. 1967. С. 759–762.

¹⁹ Толмачев В.М. Декаданс: опыт культурологической характеристики // Вестник Московского университета. Серия 9, филология. 1991. №5. С. 21.

науками. Этот факт запечатлен в «Королевских размышлениях», где автором упоминаются антропософские идеи Р. Штейнера, последователя Е.П. Блаватской. Цветаеву приобщили к миру теософии и антропософии ее близкие друзья, Эллис и М.А. Волошин – непосредственные ученики и последователи Штейнера. Однако в то время, в 1910-х гг., Цветаева критически восприняла эти идеи, что не помешало ей чуть позже, в 1920-х, приобщиться к миру оккультизма и вступить в так называемое общество последователей розенкрейцеров «*Lux astralis*» под руководством Б.М. Зубакина – поэта-импровизатора, мистика, скульптора, оказавшего на нее личностное и творческое влияние.

С самого начала, уже в эпитафиях к своим сочинениям, Цветаева вводит мотив «безнадежного величия», сочетая при этом две характерных для декадентского сознания категории отчаяния, пессимизма с величием, аристократизмом. Автор изображает себя в роли пассивно размышляющего об обреченности мира утонченного эстета, упивающегося своими мыслями о безнадежности всего сущего. Сладострастие и смерть, любовь и отчаяние – таковы типичные оксюморонные мотивы, в изобилии представленные в творчестве писателей декадентского духа, в том числе в цветаевских первых книгах. Как последовательный преемник ницшевских идей о свержении всех традиционных ценностей, Цветаева наполняет свои тексты проповедью имморализма. Заявив в своем первом произведении, что «нет ни добра, ни зла, ни нравственности, нет греха и нет ценностей»²⁰, во второй книге писательница, с той откровенностью, которая поразила Л.Н. Андреева и других критиков, продемонстрировала претворение данного тезиса в жизнь. Здесь как раз главную роль начинает играть концепция «жизнетворчества», характерная для художников эпохи Серебряного века в целом. «Дым, дым и дым» – отражение той жизни, пропитанной духом сладострастной порочности, отрицанием общепринятых моральных норм, обесцениванием того, что ранее считалось незыблемым. Гимн красоте, эстетизму, манерность – все это отличает прозаические опыты Цветаевой-младшей. Любование смертью, отождествление любви и смерти –

²⁰ Цветаева А.И. Собрание сочинений. М.: Изограф, 1996. Т. 1. С. 40.

также частотные мотивы в «Дыме...». Безусловно, эстетические и образные клише декаданса в произведениях сестер Цветаевых, свободно читавших по-французски, непосредственно восприняты от французских символистов. А.И. Цветаева в своих мемуарах подтверждает данный факт: «В те годы зачитывались Бальмонтом и Брюсовым. Из французов – Бодлером, Верленом, Верхарном...»²¹. Среди мотивов, перекликающихся с лирикой французских символистов, можно отметить: «маскарад», «пляска, танец», «смерть», наслаждение размышлениями о ней, «гибельность», «хаос», «винопитие», «изысканность», «красота», «боль», «веселье», «сладострасть», оксюморонные образные сочетания («красивое разложение», «прекрасная безысходность» и др.).

Третья глава – «**“Лагерные” произведения А.И. Цветаевой**» – посвящена анализу автобиографического романа «Amor» и повести «Моя Сибирь», созданных писательницей в лагере на Дальнем Востоке и в ссылке. В первом параграфе – **«Понятие “лагерной” прозы. Исследования, классификации»** – дается определение понятию «лагерная проза», рассматриваются основные периоды в развитии данного направления; проводятся параллели с русской «каторжной» прозой XX века. Рассказывается об основных научных работах, посвященных данной теме, среди которых особо выделяются монографии израильской исследовательницы Л. Токер, подробно освещающие историю литературы ГУЛАГа и сравнивающие ее с литературой Холокоста²². Приводятся определения, которые предлагались писателями и исследователями для характеристики появившегося направления: «травматический реализм» – термин, предложенный М. Ротбергом, «новая проза» – определение В.Т. Шаламова. Исследователи отмечают разделение внутри самой «лагерной» литературы: «антикультовые» произведения, согласующиеся с официальной критикой личности Сталина после XX и XXII съездов КПСС («Самородок» Г.И. Шелеста, «Пережитое» Б.А. Дьякова, «Барельеф на скале» А.И. Алдан-Семенова) и

²¹ Цветаева А.И. Воспоминания. В 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1. С. 383.

²² Toker L. Return from the Archipelago: Narratives of Gulag survivors. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 352 p.; Toker L. Gulag literature and the literature of Nazi Camps: an intercontextual reading. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 298 p.

«диссидентская» литература, гораздо более масштабная, представленная именами А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Ю.О. Домбровского, О.В. Волкова, А.В. Жигулина и многих других. Также в параграфе дается краткая характеристика так называемой «лагерной» поэзии, освещаются научные работы, посвященные ее анализу, перечисляются термины, предлагаемые исследователями: «кандальная», «потаенная» поэзия – термины Т.Г. Берниченко и Л.Н. Таганова, «поэзия зоны» – определение К. Пьералли. По наблюдению исследователей, в ней преобладают малые жанровые формы, а более крупные, как поэма, встречаются крайне редко и в виде незавершенных фрагментов, поскольку в условиях заключения, при отсутствии карандаша и бумаги, человеку легче запомнить короткий текст. Самыми частотными формами являются рассказ в стихах, послание (в частности – письмо вождю), стихотворение-прощание. Исследовательница К. Пьералли говорит о том, что для лагерной литературы характерны так называемые «гибридные» тексты, которые включают в себя и прозу, и поэзию (именно к этой категории относится и роман А.И. Цветаевой «Amor», включающий в себя лирический цикл). Роль стихотворений, по мнению исследовательницы, состоит в том, чтобы дополнить «ретроспективный рассказ-свидетельство материалами, гораздо более “надежными” в плане стиля, эмоций и содержания...»²³, т.е. стихами.

Во втором параграфе – **«Автобиографический роман А.И. Цветаевой “Amor” и повесть “Моя Сибирь” в контексте русской “лагерной” литературы XX в.»** – анализируются автобиографические произведения А.И. Цветаевой, созданные ею в лагере и ссылке. Арест Цветаевой в 1937 г. разделил ее жизнь на две части. Пять месяцев в Бутырской тюрьме, допросы, приговор – и этапирование в лагерь Хабаровского края. Поначалу лагерные условия не позволяли писать: изнурительный труд отнимал физические силы, жизнь в одном бараке с уголовницами опустошала духовно. Однако вскоре она была переведена с тяжелых физических работ на должность чертежницы, в

²³ Пьералли К. Поэзия ГУЛАГА: проблемы и перспективы исследования. К продолжению темы // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 258.

лагерное сметно-проектное бюро, начальником которого был А.А. Этчин, тоже политический заключенный. Именно эта встреча и явилась отправным моментом к созданию романа. Развитие взаимоотношений Морица (прототипом которого был Этчин) и Ники (автобиографический образ самой Цветаевой), попытки героини разобраться в истоках своего чувства к герою являются движущей силой романного сюжета. Произведение было закончено в лагере в 1941 г. Часть рукописи погибла, и лишь спустя много лет после освобождения, в конце 1960-х гг., Анастасия Ивановна взялась за восстановление текста. Только в 1990 г. в журнале «Москва» «Amor» увидел свет, а год спустя вышло его отдельное издание.

В предисловии сама писательница уточняла, что ее роман «родился из поэмы». Изначально она выбрала именно эту форму и пыталась создать поэму о главном герое, но в процессе работы поняла, что не укладывается в заданные рамки. Лирическая составляющая в произведении все же присутствует в виде стихотворений, впоследствии, в книге «Мой единственный сборник», объединенных автором в цикл «Мыльные пузыри». Мотив, проходящий через весь цикл, – «Дантов ад», с которым поэт сравнивает окружающую лагерную действительность. Синтетический жанр сюиты Цветаева заимствовала из поэзии своего друга и наставника Б.М. Зубакина²⁴. Таким образом, на поэтические фрагменты романа во многом возложена роль повествования именно о лагерном опыте героини, тогда как в прозаической части преобладает именно ретроспекция. Роман Цветаевой характеризуется сложной пространственно-временной организацией, наличием нескольких точек зрения, переключением временных регистров. Герои, находящиеся в лагере на Дальнем Востоке, рассказывают друг другу о своем прошлом, то есть часто происходит смена субъектов повествования. Самые подробные воспоминания, выделенные в отдельные главы, – это воспоминания Ники о своей жизни в юности. В произведении представлены несколько точек зрения: Евгения Евгеньевича, Морица и, наконец, Ники – взрослой женщины, переоценивающей свои поступки,

²⁴ См. сборник его стихотворений: Зубакин Б.М. Медведь на бульваре. М.: Всероссийский союз поэтов, 1929. 56 с.

и юной девушки, обладавшей «невыносимой легкостью бытия». Оппозиция, на которой строится идейный замысел, – любовь в двух разных пониманиях и смена одного понимания другим – связана с духовной эволюцией героини: от нигилистического атеизма к традиционному православию. В связи со спецификой жанра в текстах с главенствующим документальным началом есть два повествовательных плана – план настоящего (на этом уровне действует повествователь, автор текста) и прошлого (реконструируемый авторской памятью образ собственного «я»). Таким образом, происходит как бы раздвоение субъекта. С одной стороны, это предполагает некую отстраненность автора от образа себя в прошлом. С другой стороны, автобиографическое произведение предполагает совпадение автора и героя. Автор является всеведущим, осведомленным обо всех описываемых событиях, он субъективен, утверждает справедливость высказываемых им оценок; его интенцией является исповедь, т.е. изначальная установка – это подлинность того, о чем повествуется (то, что Ф. Лежён называет «автобиографическим пактом»). При этом в автобиографическом герое автор не зеркально отражает, а скорее осмысляет свою биографию, не прямо копирует реальность, а творчески преобразует ее. Это утверждение в полной мере применимо к роману Цветаевой «Амор». Вместо традиционной для автобиографических жанров повествовательной формы от первого лица автор выбирает форму третьеличного повествования, тем самым несколько дистанцируя себя от объекта изображения. Тем не менее, мы можем утверждать, что герой является авторским самовыражением и их позиции совпадают. Это выражено и в совпадении конкретно исторических и бытовых реалий (в частности, локация и время описываемых событий: Таруса, Феодосия, Старый Крым, Бутырская тюрьма, Дальневосточный край; 1917, 1926, 1943 года и т.п.), и в схожести душевных переживаний. Обилие конструкций несобственно прямой речи также подчеркивает близость автора и героя.

Однако материал жизни, лежащий в основе повествования, переработан и трансформирован автором в связи с его установками. Большинству героев, имеющих реальные прототипы, даны другие имена, некоторые выступают под

своими собственными. В параграфе дается полная расшифровка имен и прототипов, более подробная информация о которых дана в нашем реально-историческом комментарии, помещенном в приложениях. Желание назвать вымышленными именами некоторых действующих лиц давало автору большую художественную свободу и возможность превратить мемуарный материал в автобиографический роман. Основываясь на вышеперечисленных доводах, мы делаем вывод, что «Амор» можно считать романом-автобиографией, т.к. автор подчеркивает свое воплощение в главном герое и выступает в тексте не как наблюдатель, а как активный действующий и переживающий субъект.

Первые зарисовки будущей автобиографической повести «Моя Сибирь» рождались непосредственно в ссылке, в селе Пихтовка Новосибирской области, закончена книга была лишь в 1976 г. Еще через 10 лет она напечатана в журнале «Юность» под названием «Сибирские рассказы» (1986, №11). Повествовательная и композиционная структура повести значительно проще, нежели в романе «Амор». Рассказ ведется от первого лица, за счет чего создается максимальная близость автора и повествователя; из этого следуют такие особенности текста, как установка на достоверность и субъективность. Цветаева выстраивает рассказ о прошлом в соответствии с хронологической последовательностью, при этом некими «узлами» сюжета становятся образы животных, людей, с которыми ее свела судьба в Сибири либо некие значимые события в ее ссылке. Повесть состоит из отдельных глав-новелл, которые создавались в разные годы. Все упоминаемые персонажи имеют свои реальные имена (Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, М. Горький, Е.Я. Эфрон и др.). Таким образом, с учетом всех вышеперечисленных признаков, можно сделать вывод, что «Моя Сибирь» — классический образец жанра автобиографической повести.

Характер повествования в ней резко противоположен погруженному в прошлое авторскому взгляду в романе «Амор», ибо ссылка отличается от жизни в лагере. Приехав на новое место, в Сибирь, Цветаева все должна была налаживать с нуля: строить дом, возделывать огород, чем ранее она, дочь профессора Московского университета, никогда не занималась. Таким образом,

время было до краев наполнено действием, что отражено в художественном пространстве повести. Первая сюжетная линия посвящена описанию того, как автору приходилось обустраивать жилье и учиться выращивать овощи на огороде, который составлял основу пропитания в тех условиях. Эмоциональный посыл книги – гимн людям, которые обладают душевным мужеством и запалом выжить в любых обстоятельствах. Драматизм привносится в повесть не за счет оплакивания судьбы ссыльных людей, но за счет цикла рассказов о судьбе животных, чья жизнь среди суровых людей-сибиряков нередко заканчивается трагически. Это и является второй сюжетной линией произведения. В рассказах о братьях меньших Цветаева проявила себя как талантливый писатель-анималист, чувствующий и понимающий и своих, и чужих питомцев. Описывая их, она придает им человеческие характеристики. В слиянии с природой видит героиня повести путь к спасению себя и своей души. Огородное дело, которое она освоила, стало не только средством прокормить себя, но и отдушиной, делом, наполнившим сибирские годы смыслом. Впоследствии писательница не раз говорила, что вспоминает Сибирь «тепло и радостно»: «...мои сибирские годы лежат в памяти не темной, а светлой глыбой»²⁵. На фоне отзывов других узников ГУЛАГа такой взгляд на ссыльное прошлое представляется исключительным. Характерный для зрелой Цветаевой христианский взгляд на каторжный опыт сближает ее с Достоевским, который, как известно, говорил, что каторга его «спасла» и что только там он «Христа понял... русского человека понял»²⁶.

В **заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются результаты и намечаются перспективы дальнейшего изучения творчества писательницы. А.И. Цветаева, полноправный участник литературной жизни Серебряного века, наследница жанровой традиции, заложенной Л.И. Шестовым и В.В. Розановым, создала необычные экспериментальные формы прозаического письма («Королевские размышления», «Дым, дым и дым»); несколько позже обратилась к жанру романа, при этом подведя под него сугубо автобиографическую базу, и уже

²⁵ Цветаева А.И. Сибирские рассказы // Юность. 1986. №11. С. 23.

²⁶ Соловьев В. С. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990. С. 212.

в поздний период пришла к традиционным, каноническим жанровым образованиям (автобиографическая повесть, новелла, травелог). Также подчеркивается, что одной из приоритетных задач является окончание подготовки и выпуск Полного собрания сочинений А.И. Цветаевой. В конце работы помещена **библиография** и **приложения**, в которых представлен реально-исторический комментарий к анализируемым произведениям А.И. Цветаевой, выполненный автором настоящей работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ:

- 1) Зинова [Есенина] Е.А. Последний луч Серебряного века: воспоминания об Анастасии Цветаевой [рецензия] // Вопросы литературы. 2012. №1. С. 490–491.
- 2) Зинова [Есенина] Е.А. Проблема соотношения автора и героя на примере романа А.И. Цветаевой «Amor» // Дискуссия. 2015. №2. С. 140–146.
- 3) Есенина Е.А. Проза А.И. Цветаевой: автобиографизм и мифотворчество // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 4. С. 218–229.

Другие публикации:

- 4) Зинова [Есенина] Е.А. [Именной указатель и примечания] // Цветаева А. Воспоминания. М.: АСТ, 2012. С. 870–918.
- 5) Зинова [Есенина] Е.А. Гений памяти [Предисловие] // Цветаева А. Amor. М.: Книга по требованию, 2014. С. 3–8.
- 6) Есенина Е.А. Трансформация образов Бога Отца и Бога Сына в художественно-философской прозе А. Цветаевой и В. Розанова // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2018. С. 390–399.

- 7) Зинова [Есенина] Е.А. Хин Рашель Мироновна // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2020. Т. 6. С. 516–518.
- 8) Зинова [Есенина] Е.А. Цветаева Анастасия Ивановна // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2020. Т. 6. С. 564–566.